

КУКЛА

Владимир Герасимов

gerasimovvladimir@gmail.com

впервые опубликовано на сайте

<http://subscribe.ru/archive/psychology.zeland/200910/23150514.html>

Рисунок Виктора Богорада

“...Природа мысленной энергии, направленной на достижение цели, проявляется в трех формах: желание, внутреннее намерение и внешнее. *Желание* – это концентрация внимания на самой цели. Как видите, желание не имеет никакой силы. Можно сколько угодно думать о цели, желая ее, но ничего от этого не изменится. *Внутреннее намерение* – это концентрация внимания на процессе своего движения к цели. Это уже работает, но требует много усилий. *Внешнее намерение* – это концентрация внимания на том, как цель реализуется сама. Внешнее намерение просто *позволяет* цели реализоваться самой. При этом подразумевается твердая убежденность в том, что вариант реализации цели уже существует и остается только его выбрать.”

Зеланд В. Трансерфинг реальности. Ступень II: Шелест утренних звезд. – СПб.: ИГ “Весь”, 2005. С. 36.

Летом 1968 года, после окончания Львовского политехнического института, я по распределению попал в Ленинград. Мне было 26 лет, я работал конструктором на электромашиностроительном заводе и жил в общежитии. Завод был расположен в пригороде, но добираться до центра Ленинграда было удобно, не больше 25 минут на электричке. Ходили они в то время довольно точно по расписанию и было их много – около 60-ти в день. Так как в нашем рабочем поселке Металлострой делать было, скажем прямо, нечего, все свое свободное время я проводил в “городе”.

Осенью у кинотеатра я познакомился с девушкой Мариной. Оказалось, что она тоже недавно приехала в Ленинград по распределению после института. Причем, выяснилось, что учились мы в одном и том же вузе, только на разных факультетах, и несколько лет жили рядом, в соседних общежитиях. Конечно, у нас сохранилось много общих студенческих воспоминаний. Мы начали регулярно встречаться и проводить свободное время уже вместе.

Совпадения, однако, на этом не кончались. Хотя Марина работала в геодезической экспедиции в центре Ленинграда, жила она, как и я, в пригороде и добиралась на работу электричкой. Направление было то же самое, что у меня – с Московского вокзала на Волховстрой, только ей до своего поселка Отрадное (станция Пелла) нужно было ехать на 20 минут дольше. Там в небольшом двухэтажном доме было общежитие геодезистов, в котором жили 20-25 человек, причем половина из них приехала в Ленинград после учебы во Львовском политехническом.

Обстановка в общежитии у Марины почти не отличалась от той, что была раньше в наших студенческих – было весело, люди относились друг к другу дружелюбно. Понятно, что я стал проводить там больше времени, чем в своей рабочей “общаге”, где были совсем другие порядки – шум, гам, частые пьяные драки. Правда, немного позже я переселился в филиал заводского общежития для молодых специалистов. Сюда уже не стыдно было пригласить друзей в гости. Визиты друг к другу мы с Мариной стали наносить по очереди.

Однажды в воскресенье после обеда на Московском вокзале я прошел по вагонам электрички, выбирая место, где удобнее устроиться (в первом накурено, во втором, моторном – шумно) и увидел Марину. Она тоже, как и я, возвращалась домой из города. Накануне Марина предупредила меня, что в выходные вместе с подругой должна выполнить общественное поручение – купить для кого-то из коллег (то ли по общежитию, то ли по работе) свадебный подарок. Сделать это в те времена повального дефицита было не очень просто.

На сиденье рядом с Мариной лежала яркая картонная коробка. Внутри находилась большая кукла в красном платье, белоснежном кружевном переднике и нарядных туфельках. Когда ее наклоняли, она говорила “Мама” и закрывала голубые глаза с длинными красивыми ресницами. На коробке значилось, что кукла “Made in Germany”. Показывая все это мне, Марина светилась от радости и удовольствия. Позже я узнал, что в детстве ей многие годы хотелось иметь куклу, но этого так и не случилось. И вот

теперь она держала в руках то, чего когда-то получить не смогла. В общем, это было настоящее чудо. Но и стоило чудо немало – примерно треть моей инженерной зарплаты, на покупку сбрасывались всем коллективом. Сама она была просто счастлива – хоть и пришлось побегать по магазинам, все же удалось купить отличный подарок.

В Обухово народу в вагоне прибавилось, и мы подвинулись, освобождая место для желающих сесть. Коробку с куклой я переложил на багажную полку над окном. Через 10 минут, перед моей станцией Ижоры, Марина предложила: “Поехали к нам, я свежую зелень у метро купила – лук и редиску, салат сделаем”. – “Хорошо, – согласился я. – Только давай лучше к нам, это ближе, и салат будет раньше”. Мы встали и начали пробираться к выходу.

На платформе, когда двери вагона уже закрылись, мы молча в упор уставились друг на друга: а где же кукла?! У Марины в руках была только сумка, я держал авоську с кульками из оберточной бумаги, из одного наружу торчали острые перья зеленого лука. Коробка с куклой осталась на багажной полке над окном в отъехавшем поезде. Все произошло совершенно неожиданно.

Марина повернулась и стремглав бросилась вдоль платформы, я еле поспевал за ней. На ходу она объяснила, что забытую вещь кто-нибудь обнаружит и передаст машинисту, а тот на конечной станции отнесет коробку в “стол находок”. Поэтому нужно попросить кассира позвонить в этот стол находок и предупредить, что это наша кукла, и что мы за ней приедем... Я понимал, что шансы у нас практически нулевые, но помалкивал, так как других предложений у меня не было. Но касса оказалась закрытой, и позвонить нам никуда не удалось. До следующей электрички было полчаса, видимо, кассир просто отлучилась по своим делам. Постояв немного у закрытого окошка, мы вышли к платформе и остановились на ступеньках.

Первый шок прошел, но легче не стало. Марина еле сдерживала слезы, а я все время думал: это ведь я переложил эту чертову коробку на багажную полку. Лежала бы она на сиденье, ничего бы не случилось. Или держал бы всю дорогу в руках покрепче... Хуже всего было то, что ничего исправить было нельзя. Если бы даже у меня были деньги, купить вторую такую же куклу шансов не было. Когда я предложил Марине такой вариант, она объяснила, что продавец, молодой парень, достал из-под прилавка “последнюю”, причем перед этим они с подружкой объяснили ему, что им лучше умереть на месте, чем вернуться домой без свадебного подарка.

Тут к платформе подошла следующая электричка, и я предложил – давай не будем никуда звонить, а просто поедem до конечной остановки и зайдем в стол находок... А если там ничего нету – тоже не страшно, коробку обнаружат на обратном пути и сдадут в стол находок на Московском вокзале. Сам я не очень верил в то, что говорил, но нужно было как-то подбодрить огорченную девушку. Впрочем, искать эту куклу я был готов до бесконечности, ведь это по моей вине она пропала.

В вагоне Марина достала из сумки небольшую книжечку – расписание движения пригородных поездов – и мы стали его изучать. Выяснилось, что электричка с куклой ушла до станции Мга, от Ижора это еще около 40 минут ходу. Потом, рассуждали мы, она отправится обратно. Было только не ясно – сразу же, или через какое-то время. С пригородными железнодорожными порядками ни я, ни Марина были незнакомы, так как до этого дальше Пеллы ни разу не бывали. Количество вечерних электричек в сторону Мги было больше, чем в сторону Ленинграда, видимо, часть уходила только на следующий день рано утром. Но какие и когда уходят, а какие остаются, было не ясно. Я попробовал сравнивать четырехзначные номера поездов “туда” и “обратно”, но закономерности не уловил. Возможно, что в спокойной обстановке мне удалось бы со всем этим разобраться, но сейчас этого не получилось.

Наша электричка проехала Пеллу. Я подумал – ну вот, теперь мы стали еще и безбилетниками, не хватает только контролеров. Вряд ли они поверят в объяснения – “коробку на полке забыли... билетная касса была закрыта...” – и если даже не оштрафуют, то замучают нас нравоучениями. Поэтому предложил выйти в тамбур. В случае чего, можно сказать, что на следующей остановке мы выходим, тогда они не станут сильно придираться. Так мы ехали еще 10 минут до станции Горы. Поезд стал тормозить, я просунул голову в разбитое окно и неожиданно увидел, что к другой стороне платформы подходит встречная электричка. По расписанию она в этом месте должна была пройти на 2-3 минуты раньше, но, похоже, просто немного опоздала.

Это фотография с сайта: <http://www.trainsim.ru/download/116/?page=4>

Электричка подходит именно к станции Горы. Снято без малого 40 лет спустя, но внешний вид электропоезда, на мой взгляд, не сильно поменялся. Если зайти по ссылке, то можно посмотреть и встречную электричку, которая в этом случае, судя по всему, идет строго по расписанию.

Обожгла мысль – это могла быть та самая, в которой осталась кукла. Почему я раньше

этого не сообразил? Видимо, потому, что с самого начала был нацелен на вариант со столами находок, и другие возможности просто не рассматривал. Ведь можно было выйти в Пелле, спокойно подождать 10-12 минут и проверить только 3-й вагон электрички, в котором коробка осталась на полке. То же самое можно было проделать еще несколько раз с другими поездами, возвращающимися в Ленинград вечером. И только после этого, если бы потерю не удалось найти, стоило обратиться в стол находок во Мге. В общем, ситуация была как в известной пословице: “Мужик задним умом крепок”.

Наша электричка еще ехала, постепенно замедляя ход, а встречная уже стояла у платформы, и в нее садились последние пассажиры. Мне это было хорошо видно сквозь разбитое окно. Впервые я четко осознал, что вот прямо сейчас мы можем потерять куклу навсегда – двери захлопнутся и поезд уйдет, а вместе с ним, возможно, укатит кукла. Догнать ее мы не сможем, останется рассчитывать только на столы находок, которые мне, честно говоря, не внушали никакого доверия. Но и пересаживаться было рискованно – двери могут захлопнуться перед нашим носом и электричка уйдет, а потом, когда мы попробуем вернуться обратно, то же самое повторится еще раз. Времени на размышления и обсуждение – что же делать дальше? – не было совсем.

Когда наконец двери нашего вагона автоматически открылись, встречная еще стояла, но платформа уже была пустой. Я решился – схватил Марину за руку и скомандовал: “Бежим”. Мы рванули изо всех сил поперек платформы и буквально впечатались в плотную человеческую стену. Тамбур и вагон оказались битком забиты людьми, по всей видимости, дачниками, которые накануне рабочего дня возвращались домой. Скорее всего, электричка задержалась именно из-за обилия пассажиров. Двери закрылись, проехав по моей спине, мы были внутри. Возможно, нас увидел кто-то, кто управлял дверьми и подождал несколько секунд.

Марина сунула мне в руки сумку и стала стремительно протискиваться вдоль прохода. Я с кулками и сумкой с трудом продвинулся немного, затем остановился. Перед глазами было два ряда багажных полок, заложенных рюкзаками и сумками. Не помню, о чем я тогда думал, рассматривая эти полки, скорее всего ни о чем. Сейчас мне кажется, что я просто ВИДЕЛ большую коробку над окном, именно так, как недавно ее положил. И был внутренне совершенно спокоен – не потерялась она, лежит в другом вагоне, подойдет Марина и заберет. Но твердо поручиться за это ощущение не могу, все-таки прошло много лет...

Электричка подходила к Пелле, нужно было решать, что мне делать – выходить или дожидаться Марину в вагоне? Договориться об этом мы не успели. На всякий случай, я стал потихоньку продвигаться к выходу. Но тут дверь в конце вагона открылась, и показалась Марина с коробкой в руках над головой – иначе было не протиснуться. Улыбка на лице была, что называется, от уха до уха. Мы вышли через двери в разных концах вагона и встретились на платформе. Тому факту, что кукла нашлась, я как-то даже не удивился, хотя сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что шансов на благополучный исход было мало.

Через некоторое время мы с Мариной поженились. Друзья с каждой стороны вручили нам по свадебному подарку – два комплекта посуды. В одном случае тарелки были

украшены розочками, в другом незабудками, на донышках значилось “Made in Japan”. По тем временам это был тоже большой дефицит, как и немецкая говорящая кукла. Один комплект тарелок почти без ущерба сохранился у нас до сих пор, а вот второй успешно расколотили дети и внуки.

Так получилось, что за много лет мы с женой ни разу не обсуждали эту историю. Когда я недавно решил ее записать и обратился к супруге с каким-то вопросом, к моему удивлению выяснилось, что она **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ПОМНИТ**. Ни про куклу, ни про электрички. Марина легко перечислила всех своих подруг по работе и общежитию, которые выходили замуж в то время, но так и не смогла вспомнить, кому покупала свадебный подарок. У меня по-другому – конечно, я не могу сказать зачем тогда ездил в город (часто целью было сходить в кино или просто погулять), но многие детали события, связанного с куклой, помню очень отчетливо. Вплоть до стука колес и шума моторной тележки под вагоном.

Апрель 2006 года

* * *

Прошло три года. Я много раз возвращался к этой истории, даже рассматривал вместе с женой – она ведь в прошлом геодезист – на Google Earth знакомые места с высоты вертолета: наши общежития в поселках Металлострой и Отрадное, платформы на станциях Ижоры, Пелла и Горы (во время этих поисков я и нашел сайт со встречными электричками у этой станции, см. выше). Мы восстановили в деталях кучу разных событий 40-летней давности, но про куклу Марина так и не смогла вспомнить ни одной микроскопической мелочи. Такое впечатление, что в ее жизни этого события просто не было, или оно случилось в какой-то другой реальности.

Я предложил жене спросить о кукле друзей и знакомых, со многими она до сих пор регулярно переписывается и перезванивается. Ничего не вышло, про куклу не вспомнил никто, правда, как сказал поэт: “Иных уж нет, а те далече”... В прошлое воскресенье, когда Марина звонила подруге, я не выдержал, взял у нее трубку и спросил: “Зоя, ну хоть что-то про эту куклу ты помнишь? Вы же с Мариной жили в соседних комнатах и ежедневно на кухне общались”. – “Конечно, помню”, – прозвучал в телефоне знакомый голос. Я от неожиданности вздрогнул и осторожно уточнил: “И что ты помнишь”? Зоя спокойно ответила: “Все помню, мне Марина подробно рассказала про ваше приключение, когда приезжала в прошлом году”. Понятно... Марина эту историю знает наизубок с моих слов, а теперь и Зоя ее знает – со слов подруги.

Я думаю, что “несчастный случай” с куклой – в том или ином виде – был просто неизбежен, можно сказать – запрограммирован. Причиной послужило сильнейшее завышение важности, а это, в свою очередь, напрягло ситуацию и создало большой избыточный потенциал. Равновесные силы постарались устранить его простейшим способом – убрали куклу. Если бы я не “помог” забыть коробку на полке вагона, случилось бы что-нибудь другое, причем, не исключено, что более неприятное, когда ее так и не удалось бы получить обратно.

В нашем случае это удалось. Если перечитать эпиграф, то видно, каким образом. Одного желания вернуть потерю было недостаточно. Попытка сделать это через

внутреннее намерение была трудоемкой и давала небольшие шансы на успех. Не случайно к этому варианту с самого начала душа не лежала. Скорее всего, кукла для нас пропала бы безвозвратно. Даже сейчас, с расстояния в 40 лет, думать о таком финале не хочется. И все же мы получили ее обратно. На мой взгляд, сработало внешнее намерение в чистом виде. Все оказалось легко и просто, нужно было только подойти и спокойно взять коробку с полки.

Труднее было сделать другое – успеть вовремя “переключиться” с внутреннего намерения на внешнее. Электричка для этого должна была нарушить график движения, правда не на много, всего на 2-3 минуты, иначе ничего бы не вышло. Можно, правда, считать, что нам повезло, просто повезло, и все...

Май 2009 года